

**Путь: Орган русской
религиозной мысли**

23. Август 1930

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П90

П90 Путь: Орган русской религиозной мысли: 23. Август 1930 / – М.: Книга по Требованию, 2020. – 128 с.

ISBN 978-5-458-23503-7

ISBN 978-5-458-23503-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

грѣшниковъ, а Христось можетъ. Онъ предлагаетъ совершенно иной путь борьбы со зломъ. Путь новый и страшный и парадоксальный. Это не новая система заповѣдей, запретовъ, императивовъ, нормъ, это *не новый законъ*, не революція закона, — это приглашеніе, зовъ («много званыхъ»...) въ царство творческой любви, въ царство конкретного любовнаго творчества. Любовь дѣйствуетъ не по правиламъ, она иногда соблюдаетъ норму закона, иногда нарушаетъ; иногда пользуется правомъ, иногда жертвуетъ правомъ. Только любовь можетъ *предложить* (не повелѣть!) подставить иногда щеку обидчику, только она можетъ предложить новый путь борьбы со зломъ: не противостоять злу зломъ (*μη ἀντιστῆναι τῷ πονερώ*).

Путь этотъ, сколько бы ни предлагался человѣчеству, всегда будетъ казаться новымъ, невѣроятнымъ, парадоксальнымъ. И въ наше время пожалуй болѣе, чѣмъ когда-либо, онъ новъ. Самые искренніе христіане въ своихъ разсужденіяхъ чаще всего сползаютъ на путь закона. Современное человѣчество есть ветхій Адамъ, продолжающій ветшать; онъ прикрываетъ наготу свою ветхой, заплатанной одеждой закона. Но во Христа облеклись только немногіе праведники. Говорятъ: христіанство одряхлѣло; нѣтъ! Логось вѣченъ, а христіанское человѣчество еще очень юно; языческій міръ, міръ закона, міръ ветхаго Адама одряхлѣлъ.

Поэтому нужно, наконецъ, признать *бессиліе* закона въ его вѣковѣчной борьбѣ со зломъ: онъ не можетъ преодолѣть сопротивленіе плоти, не можетъ преодолѣть сопротивленіе грѣха, онъ не можетъ спасать и животворить, онъ не можетъ никого оправдать, онъ лишь говоритъ: всѣ виновны предъ Богомъ. Вотъ откуда вытекаетъ неизбѣжный выводъ: «дѣлами закона не оправдаетъ»

ся предъ Нимъ никакая плоть; ибо закономъ познается грѣхъ». (Рим. III. 20, Рим. VII. 12. 13).

Трагедія закона заключается въ томъ, что онъ достигаетъ прямо противоположнаго тому, къ чему онъ стремится: обѣщаетъ оправданіе, а даетъ осужденіе («нѣтъ праведнаго ни одного»); ищетъ мира, а даетъ гнѣвъ; требуетъ соблюденія, а вызываетъ нарушеніе («проповѣдуя не красть, крадешь. Говоря: не прелюбодѣйствуй, прелюбодѣйствуешь. Гнушаясь идоловъ, святотатствуешь» Рим. II, 22); наконецъ — обѣщаетъ славу, а даетъ безчестіе («хвалишься закономъ, а преступленіемъ закона безчестишь Бога?» Рим. II, 23).

Ошибаются тѣ, кто думаетъ, что справедливое устроеніе человѣчества («оправданіе») разрѣшается системой справедливыхъ законовъ, идеальнымъ государствомъ — монархіей, или республикой, или коммунизмомъ (какъ думалъ античный міръ и какъ думаетъ современное внѣхристіанское человѣчество); ошибаются и тѣ, которые хотятъ устроить человѣческую душу и сдѣлать ее праведной, связавъ своеволіе страстей сѣтью моральныхъ императивовъ и запретовъ. Ни усовершенствованіе законовъ, ни организація властей, ни постоянное моральное сужденіе и осужденіе (любимое занятіе толпы) — не устраняютъ и даже не уменьшаютъ количества зла и преступленія на протяженіи историческаго пути. Попрежнему «міръ весь во злѣ лежитъ» и порою кажется, что онъ становится еще злѣе. Трагедія «закона» въ томъ, что онъ хочетъ и *не можетъ*, требуетъ и *не выполняетъ*, обѣщаетъ и *не даетъ* (das regennierende Sollen).

Почему же законъ не спасаетъ и не «оправдываетъ» человѣчество? Въ чемъ здѣсь дѣло? Откуда неудача закона? Вѣдь странно, что жить подъ закономъ — значитъ жить подъ господствомъ грѣха? (Рим. VI, 4. Ср. III, 9-21). Неу-

жели отъ закона грѣхъ? (Рим. VII, 7). Вѣдь законъ былъ данъ для борьбы съ грѣхомъ, для «оправданія» (*justificatio*) — и вдругъ: «дѣлами закона не оправдается никакая плоть!». Законъ самъ по себѣ *святъ* «и заповѣдь свята и праведна и добра» — и вдругъ это «доброе дѣлается мнѣ смертоноснымъ», «посредствомъ этого добраго починается мнѣ смерть!» (Рим. VII, 12. 13). Здѣсь начинается та внутренняя *дialeктика закона*, тотъ рядъ антиномій, вскрываемыхъ въ законѣ, и рядъ рѣшеній, которыя ставятъ Ап. Павла на недосягаемую философскую высоту и которыя никѣмъ еще не были достаточно поняты и по достоинству оцѣнены.

Первое рѣшеніе, какое мы встрѣчаемъ у Ап. Павла состоитъ въ слѣдующемъ: грѣхъ не отъ закона, а отъ сопротивленія закону; виноватъ не законъ, а беззаконіе; виновата не заповѣдь, а человѣкъ, который ее нарушаетъ. Но почему же онъ нарушаетъ ее? Причина лежитъ въ *сопротивленіи плоти*. Замѣчательная глава VII къ Рим. даетъ отвѣтъ на вопросъ, почему законъ потерпѣлъ неудачу, и показываетъ, въ чемъ лежитъ корень безсилія закона: законъ безсиленъ ибо онъ *ослабленъ плотію*.*). Плоть есть источникъ зла. А законъ «духовенъ» и есть источникъ добра. Но «плоть» есть плотскій человѣкъ, есть свойство человѣка (и часто обозначаетъ у Ап. Павла и вообще въ Евангеліи -- просто «человѣка»). Такимъ образомъ получается рѣшеніе: законъ духовенъ и добръ, — а я плотянь, проданъ грѣху и золь (Рим. VII, 14). Законъ — добръ, а человѣкъ — золь.

Такой морализмъ можетъ требовать только «умерщвленія плоти» и въ концѣ концовъ умерщвленія человѣка. Если все зло въ человѣкѣ,

*) Такъ самъ Ап. Павелъ въ гл. VIII, 3 формулируетъ сущность и смыслъ главы VII: «какъ законъ, *ослабленный плотію*, былъ безсиленъ, то Богъ послалъ Сына Своего».

а все добро въ законѣ, то: *pereat mundus, fiat justitia!* Иллюзорность рѣшенія очевидна. Оно рѣзко вскрываетъ новую, еще болѣе глубокую антиномію.

Въ самомъ дѣлѣ, задача всякой религіи и всякой этики состоитъ въ *спасеніи*, а не въ гибели и осужденіи человѣка. Весь смыслъ, вся интенція закона состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать человѣка праведнымъ («оправдать», *justificare*); если онъ *безсиленъ* этого достигнуть и достигаетъ только обратнаго, тогда онъ теряетъ всякій смыслъ. *Безсильный* законъ есть нѣчто комическое: повелѣніе (императивъ), которое не связано съ подчиненіемъ внутренне противорѣчиво. Такой законъ не заслуживаетъ никакого уваженія, а потому пусть онъ оставитъ человѣка въ покоѣ и дастъ ему жить свободно: *pereat justitia, vivat mundus!*

* * *

Безсиліе закона проистекаетъ изъ сопротивленія плоти. Но мало одного безсилія, есть и еще нѣчто худшее въ законѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сопротивление есть противодѣйствіе нѣкоторому воздействию. Нѣтъ «противодѣйствія», если нѣтъ «воздѣйствія»: императивъ закона *вызываетъ* противодѣйствіе какихъ-то силъ.

Есть въ природѣ человѣка, повидимому, нѣчто неподчиняющееся закону, какой-то «духъ противорѣчія». И онъ прямо провоцируется запретомъ и велѣніемъ закона. Законъ правъ въ томъ, что онъ требуетъ, но *виноватъ* въ томъ, что своей императивной формой *вызываетъ духъ противленія* и слѣдовательно вызываетъ обратное тому, чего требуетъ, *вызываетъ преступленіе*.

Выростаетъ новая антиномія, новый трагизмъ закона, новая варіація основной діалектической темы («законъ добръ» и «законъ золъ»). Чтобы

увидѣть всю силу, всю глубину, всю парадоксальность этой дерзновенной діалектики, необходимо поставить рядомъ эти изумительные тексты: *)

«Безъ закона грѣхъ мертвъ»

«Прежде я жилъ внѣ закона, но когда пришла заповѣдь, грѣхъ ожилъ».

«Я не зналъ бы и грѣха безъ закона, я не зѣалъ бы и пожеланія, если-бы законъ не говорилъ: не пожелай».

«Заповѣдь послужила поводомъ къ тому, что грѣхъ произвелъ во мнѣ всякое пожеланіе».

«Грѣхъ, взявъ поводъ отъ заповѣди, соблазнилъ меня и убилъ ею»...

Такимъ образомъ законъ достигаетъ обратнаго результата: онъ вызываетъ духъ противорѣчія, искушеніе *преступить*; законъ прямо является *поводомъ, мотивомъ (ἀφορμή)* для грѣха; говоря «не пожелай», онъ вызываетъ пожеланіе («запретный плодъ»).

Это странное свойство закона заставляетъ въ немъ усумниться до самыхъ послѣднихъ предѣловъ. Это оно заставляетъ Ап. Павла сказать: что-же такое мы говоримъ? въ такомъ случаѣ законъ есть грѣхъ? (Рим. VII, 7) законъ есть зло? вѣдь: «Заповѣдь, данная для жизни, послужила мнѣ къ смерти» (10)!

Не есть ли законъ прямо *причина грѣха*? Этого, конечно, не можетъ быть; законъ не есть причина грѣха, какъ онъ не есть и причина добродѣтели. Ни преступленіе, ни послушаніе не вытекаютъ изъ закона съ необходимостью. Нельзя сказать, что законъ автоматически вызываетъ под-

*) Въ нихъ цѣликомъ даны темы Ницше, Достоевскаго и Шестова. Въ нихъ поставлена проблема отверженія морализма и утвержденія «все позволено» (и самый этотъ афоризмъ принадлежитъ Ап. Павлу). Но то, на чемъ останавливается Ницше и Шестовъ, есть для Ап. Павла лишь діалектической моментъ. Онъ идетъ дальше и выше, и за нимъ, конечно, Достоевскій.

чиненіе; но нельзя также сказать, что онъ автоматически вызываетъ нарушеніе. Человѣкъ именно не есть автоматъ, а есть свободная личность.

Между велѣніемъ закона и рѣшеніемъ чело-вѣка лежитъ таинственная подсознательная сфе-ра аффектовъ и не менѣе таинственная сознательная сфера свободы. Законъ лишь «мотивируетъ», но не обуславливаетъ причинно. И противоборство закону тоже лишь «мотивируетъ», но не механически отбрасываетъ законъ. Вотъ почему Ап. Павелъ называетъ законъ не причиной, а лишь *поводомъ*, мотивомъ для грѣха. Это не снимаетъ отвѣтственности съ закона, ибо служить «поводомъ» для грѣха есть большой грѣхъ.

Но это ставить вопросъ о послѣднихъ и истинныхъ источникахъ грѣха. Вѣрнѣе о послѣднихъ источникахъ всякаго *дѣйствія*, хорошаго или дурного; ибо ясно изъ предыдущаго, что законъ не есть ни причина добра, ни причина зла.

Быть можетъ, законъ пригоденъ въ практической жизни для познанія того, что признается «преступленіемъ» («закономъ познается грѣхъ» — *g a t i o c o g n o s c e n d i* преступленія), но онъ никогда не спускается до той глубины, гдѣ лежитъ *g a t i o e s s e n d i* преступленія. Эта глубина для него ирраціональна, недоступна, непроницаема. Законъ есть *раціональное правило*, обращающееся къ уму, къ сознательной волѣ, но не къ ирраціональнымъ, бессознательнымъ и подсознательнымъ инстинктамъ и влеченіямъ — тамъ: «вижу иной законъ, *противоборствующій закону ума моего*». (Рим. VII, 23).

Вотъ этотъ законъ *ирраціональнаго противоборства* (ирраціональнаго, ибо онъ противоположенъ и непонятенъ *закону ума*: «не понимаю, что дѣлаю» Р. VII, 15) — онъ именно указываетъ на глубокіе источники грѣха.

Законъ ирраціональнаго противоборства можетъ имѣть двѣ формы и происходить какъ-бы въ двухъ сферахъ: существуетъ противоборство *человѣческое* и противоборство *сверхчеловѣческое* (дьявольское). Противоборство *человѣческое*, которое стоитъ въ центрѣ вниманія Ап. Павла, есть сопротивленіе *плоти*, «плотскихъ помышленій», которая закону Божию не покоряются и потому являются «враждою противъ Бога» (Рим. VIII, 7), это противоборство «закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ» (Рим. VII, 23), это сопротивленіе всей *подсознательной сферы* инстинктовъ и влеченій, связанныхъ съ чувственно-тѣлеснымъ міромъ («плотскія помышленія»), которые не подчиняются *сознательной волѣ* и закону ума. Феноменологія такого сопротивленія, та форма, въ какой мы его переживаемъ, выражена у Апостола такъ: «не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю»... «*желаніе добра* есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу»...

Вотъ, поистинѣ, типическое состояніе *человѣческой слабости*, *человѣческой «вражды противъ Бога»*, которая не дерзаетъ идти дальше, которая выражается только въ «*безсиліи закона, ослабленнаго плотію*» (Р. VIII, 3). Она и составляетъ для Апостола центръ вниманія, ибо «живущіе по плоти, которые о плотскомъ помышляютъ», составляютъ подавляющее большинство *человѣческаго рода*, для которыхъ прежде всего и писанъ всякій законъ.

Сознательный законъ, выраженный въ формѣ запрещенія и обращенный къ волѣ, вызываетъ обратное дѣйствіе въ силу *противодѣйствія* подсознательнаго міра. И это *противодѣйствіе* тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше усиліе воли, желающее исполнить императивъ. Таково изумительное свойство *сознательнаго волевого усилія* въ отношеніи къ *подсознательному міру*, которое

открыто современными изслѣдователями подсознательной сферы и формулировано, какъ *loi de l'effort converti*. Этотъ законъ экспериментально подтвержденъ опытами, которые всякій можетъ повторить.

Апостоль Павелъ зналъ дѣйствіе этого закона и нашелъ его, какъ «иной законъ, находящійся въ членахъ моихъ, и *противоборствующій закону ума моего*». То, что онъ помѣщалъ это «противоборство» *въ членахъ* и *въ плоти* не должно насъ сбивать. «Плоть» въ терминологіи Ап. Павла вовсе не означаетъ *только* нашего пространственнаго физическаго тѣла, она обнимаетъ всю низшую *чувственно-пожелательную* природу человѣка, которая, конечно, связана съ физическимъ тѣломъ и лежитъ, такъ сказать, между «тѣломъ» и «душой». Такимъ образомъ «плоть» имѣетъ по отношенію къ интересующему насъ вопросу два значенія у Ап. Павла: 1, *плоть*, какъ чувственно-пожелательная сфера подсознанія, стоящая въ предѣльной и таинственной близости къ тѣлу*) и 2, *плоть*, какъ тѣло, организмъ, изучаемый біологіей.

Человѣкъ имѣетъ такую структуру іерархическихъ ступеней по Ап. Павлу: онъ состоитъ изъ 1) духа, 2) сознательной души, 3) подсознательной чувственно-пожелательной сферы («плотскія помышленія»), 4) тѣла («плоть»). Для третьей ступени Ап. Павелъ особаго термина не имѣетъ (у Платона — *ἐπιθυμία*).

Подсознаніе есть понятіе нашихъ дней. Преемное понятіе души исчерпывалось *сознаніемъ*, тѣмъ, что лежитъ въ свѣтломъ полѣ переживанія, что сознается. Подсознательныя влеченія Ап. Павелъ не могъ назвать «душою», потому что они инстинктивны, безсознательны, не лежатъ въ свѣтломъ полѣ сознанія; онъ предлагаетъ ихъ назвать «пло-

*) Отношеніе взаимодействія, являющееся неразгаданнымъ и для современной науки.

тью» въ виду ихъ связи съ чувственностью и органами чувства. Можно доказать, что «плоть» здѣсь означаетъ особую, третью ступень человѣческаго существа, соотвѣтствующую *«подсознанію»*, съ его чувственно-пожелательной, эротически-тендирующей природой, нащупанной и угаданной Фрейдомъ.

Что «плоть» обозначаетъ здѣсь все-же психическую сферу, а не пространственно-тѣлесную, видно изъ такого выраженія, какъ «плотскія помышленія» (*φρόνημα τῆς σαρκός*) и «жизнь по плоти»; но эти помышленія не суть сознательныя мысли, ибо мыслить по терминологіи Апостола *умъ* (*νοῦς*); они не суть и сознательныя желанія, сознательная воля, ибо «дѣлаю то, чего не хочу». «Плотскія помышленія» всецѣло противопоставляются моему уму, моей волѣ, всей сферѣ моего сознанія («внутренній человѣкъ»), всему моему сознательному *я* (Рим. VII, 15-25), и все-же они еще называются «помышленіями», иногда «похотью», и потому въ какомъ-то смыслѣ принадлежать *къ психическому міру*, относятся къ «внутреннему человѣку», къ тому-же самому моему *я* (Рим. VII, 25). Непонятно, откуда они являются, эти странные порывы, эти изверженія изъ подземной тьмы, противорѣчащія всему, что я признаю за добро, что я хочу, чему я служу умомъ: *«не понимаю, что дѣлаю; потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю»*. Они необъяснимы изъ *я*, необъяснимы изъ сознанія: «а потому уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ». Гдѣ же онъ живетъ? если не въ сознаніи, какъ это было показано, (ибо въ сознаніи я нахожу желаніе добра и согласіе съ закономъ: «хочу дѣлать доброе»), то только *подъ порогомъ сознанія*. Туда не проникаетъ сила закона, который умѣетъ обращаться только къ уму и къ сознательной волѣ, тамъ гнѣздится «иной законъ, противоборствующій закону ума» (*loi de l'effort converti*).

Сферу *подсознанія* Апостоль определяетъ, какъ *не я*, ибо *я* есть для него сфера *сознанія*; тамъ, въ подсознаніи, онъ помѣщаетъ законъ противоборства и грѣхъ. Но грѣхъ въ какомъ то смыслѣ все-же живетъ «во мнѣ», его нельзя выбросить въ тѣлесно-пространственный міръ, онъ связанъ съ «внутреннимъ человѣкомъ», и его источникомъ является то-же самое *я*, ибо оно является центромъ и сознанія и подсознанія.

Такъ выявляется необходимость третьей ступени человѣческаго существа, которую Апостоль называетъ «плотью», это ступень психическая, но не сознательная, это *подсознаніе*.

Библия, при своемъ глубокомъ знаніи человѣческаго «сердца», чувствуетъ присутствіе того, что современная психологія называетъ подсознаніемъ, и указываетъ на эту сферу при помощи своей собственной терминологіи. Внутренній міръ во всей его неисчерпаемой глубинѣ («внутренній человѣкъ» Ап. Павла) чаще всего называется въ ветхомъ Завѣтѣ «сердцемъ». И въ этомъ внутреннемъ мірѣ далеко не все ясно усматривается и сознается даже самимъ его носителемъ. Во «внутреннемъ человѣкѣ» существуетъ таинственная и сокровенная сфера, не озаряемая его собственнымъ сознаніемъ. «Глубоко сердце человѣка... и кто познаетъ его?» Только Богъ проникаетъ «сердца и утробы». Постоянно повторяющійся терминъ «сердца и утробы» какъ разъ намѣчаетъ то, что теперь называется *подсознаніемъ* съ его чувственно-пожелательной, эротической природой. Самое выраженіе «утробы» какъ-бы указываетъ на то, что лежитъ подъ сердцемъ, ниже сердца; и если «сердце» чаще всего означаетъ «сознаніе», то «утроба» должна означать «подсознаніе».

Правда «сердце» ирраціонально не только въ смыслѣ низшей своей сферы, соприкасающейся съ «плотью», но и въ смыслѣ высшей, соприкасаю-